

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В ПАРИЖЕ

Экраны и сцены. — 1993. — 23-30 дек (№ 51) — С. 12

Над фасадом парижского театра Пале-де-Шайон хлопает по ветру длинный кусок ситца. Огромные буквы по всей длине материи, захватывая в плен спешащих прохожих, складываются в три фамилии — Брехт, Бедо, Савари. Чуть ниже брехтовская цитата: «Чрево, еще способное к оплодотворению, может родить «поганую нечисть».

Все это значит только то, что Жером Савари ставит в Париже

На одной из последних репетиций Савари, который сам играет в спектакле роль зазывалы, в течение часа руководит действием, стоя на столе. Тон его настолько же бравурен, насколько и фальшив: «Вы готовы, фанфары? Дети, вы спите? В сцене грузовика не забудьте достать винтовки! Немного больше шума, пожалуйста!»

Фанфары в это время направляются вглубь декорации, и Чикаго 30-х годов вслыхивает

Новый Гитлер?

Нет, это может случиться с каждым

пьесу «Сопrotивляющийся вознесению Артур Уи». В роли Диктатора, очень долго не выходивший на столичную сцену актер — Ги Бедо.

После Жака Вилара и Роберта Хирша, сотворивших «своих» Гитлеров, Савари пытается создать «по Брехту» новый образ Диктатора. Некого гангстера, если в двух словах, в поведении и состоянии которого, лишь на первый взгляд, можно не заметить сложную «загримированную» метафору. «Это не забавная идея, использованная с целью заполнить зал», — уточняет Жером Савари.

Впрочем, Ги Бедо — особый исполнитель. И тот, кто никогда не видел его на сцене, не сразу приходит в себя от вопиющего, опасного, безумного одиночества, в котором актер пребывает от первой и до последней минуты спектакля. Одиночество его пестро и хрупко, как детская игрушка-калейдоскоп: кусочки мозаики, способные на уникальный рисунок. Одиночество Бедо вызывает смех и отталкивает своей подлостью, сжимает горло и терзает ум бесчисленными видениями. Одиночество — это его актерское ампула.

«Бедо подобен воздушному гимнасту, скользящему на своей трапеции под потолком в то время, как остальные артисты, призванные вместе с ним создать единый ансамбль, молча стоят, задржав головы», — говорит режиссер.

огнями в преддверии Рождества, заполненный красно-красными Дедами Морозами. «Вы приготовили гараж и кладбище?!» — почти уже вопит Савари. Явление новой власти в канун Рождества: праздник перед праздником!

Ги Бедо тут как тут. Ждет своей очереди. Притихший и едва узнаваемый, серый среди красных габардин, с черным кружком вместо глаза. Воскресший Скапини — слепой министр, издевающийся над узниками.

Очень странно смотреть на Савари и Бедо. Две подозрительные кошки, вышедшие поохотиться вместе. Бесспокойно, их уважение друг к другу, хотя каждый совершенно точно знает, что он Вождь в своей области. Оба очень много работают, оба зачитываются рабочими дневниками Бертольта Брехта.

«Я так легко и иронично разыгрывал из себя новичка», — говорит Бедо, — что в результате превратился для всей труппы почти в профсоюзного деятеля. То есть, если кому-то из артистов что-то нужно сообщить Иерому, они просто-напросто отправляют меня. Я, однако, не переживаю. Этими поручениями хоть как-то можно компенсировать мою вину перед труппой: я канибал. Питаюсь за счет таланта других».

На вопрос о причине внезапного возвращения в театр, Бедо отвечает, смеясь: «Я не возвращался. Просто приехал. Я отлично знаю классику. Это вер-

но. Я специально обучался профессиональному актерскому мастерству. И вовсе не бродячий актер, хотя в семнадцать с половиной лет в центре улицы Бланш я играл Марииво — «Арлекин, отпугивающий любовь» — вместе с Жан-Пьером Мариелем и Катрин Сами. Потом уехал в турне с Жаком Шароном, Жироу, Мюссе, Фейдо. Сначала был Египет, потом Ливан. Скотч Жака Шазо, который я исполнял в La Fontaines-Quatre-Saisons с Юдит Мэгр и Мариной Сарсей — «Мари — Шанта и сирота», очень скоро начал способствовать моей карьере». — «Так ты комик?» — «Я люблю вызывать смех. И не брезгую находить для этого способы».

Пулеметные очереди. Машины с хромированными боками. На сцене играет пьеса Брехта. Бедо взошел на огромное сценическое пространство Шайо, опустился в гигантское кресло. Старик-ребенок, испорченный криминальными капризами и фантазиями. Он растягивает фразу одновременно по-брехтовски и по-своему. А может только обращается к Брехту: «Я всего лишь человек, у которого нет желания». Голос дрожит, слегка ломаясь. «Марлону Брандо в «Крестном отце» это принесло «Оскар», — заявляет Бедо на генеральной репетиции. — Быть на сцене и не смеяться, этого со мной еще не случалось. Я ратую за то, чтобы не трогали Артура Уи — это ли не преувеличенно

смешно! Верно говорят, что у пьесы много мостиков в современность: коррупция, оседание экономики — традиции Муссолини и Берлускони. В смысле отношения к современности податливы ремарки и Брехта, и Савари. Однако же я не имитирую Гитлера и ничего не подгоняю под современность. «Поганая нечисть». Она может выйти из каждого чрева».

Жером Савари продолжает мысль своего актера: «В 60-е годы, 15 лет спустя после освобождения Европы, ходили смотреть на «Артура Уи», повторяя: «Больше этого не случится никогда». В 1993-м публика ходит на спектакль со словами: «Опять. Но почему? Почему всегда это».

В ежедневной хронике «Либерасьон» первые критические отзывы отмечают, что Бедо «смакует свой текст с неподдельным наслаждением, к которому приравнивается ужас». Наслаждение? Да. Ужас? Пожалуй. Скорее даже не он сам, а его отголосок, тихий, далекий, словно притаившийся на крыше небоскреба.

Бедо произносит: «Ни критики, ни плакатчики, никто больше не остановит Артура Уи». Он не смакует текст. Он его проживает.

«Поганая нечисть может выйти из любого чрева».

Даниэль ГЕЙМАН.

Перевела с французского Натэла МЕСХИ.

ПАРИЖ.

